

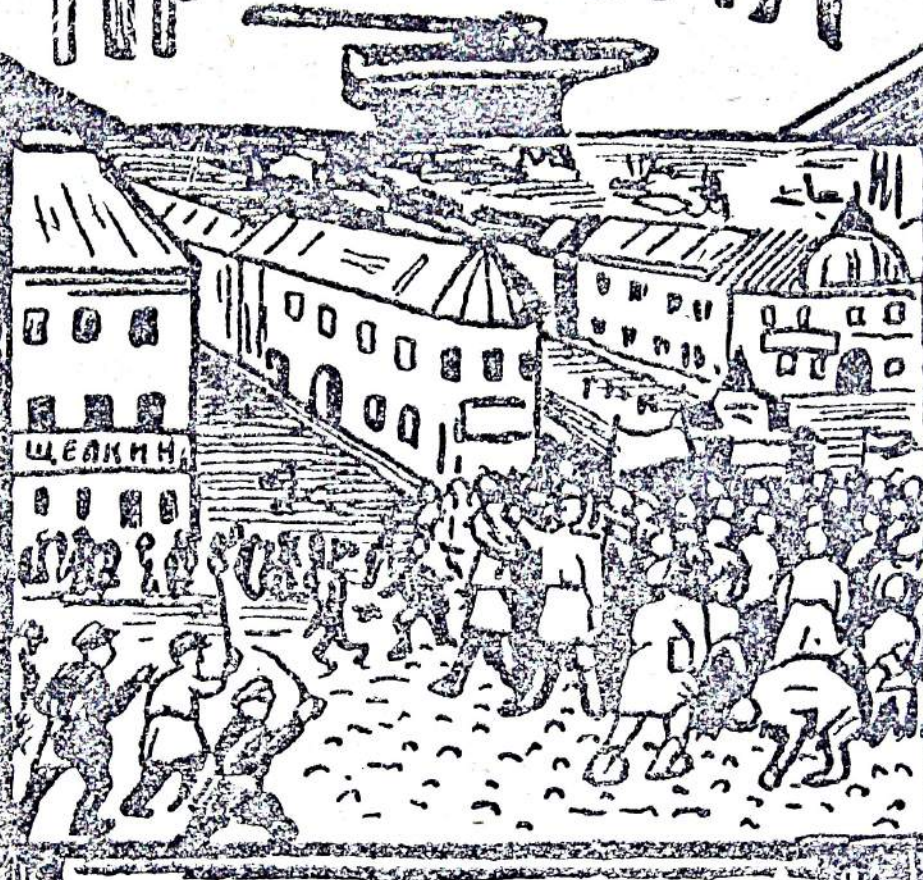
А. Фролов.
63.3 (2Р-4 туп) - КР

Ф 91

ПРОВОЖДЕНИЕ

ТУЛЬСКОГО РАБОЧЕГО.

ПРОБА СИЛ

ВЫПУСК 2-ой

А.Н.

1925 г.

Издание Тульского Истпарта.

3.3 (2р-4 Тун)

Ф 91

А. ФРОЛОВ.

ПРОБУЖДЕНИЕ.

ВОСПОМИНАНИЯ ТУЛЬСКОГО РАБОЧЕГО.

==

II.

ПРОБА СИЛ.

▽▽▽

Издание Тульского Истпарта.

1925 г.

МУК «Тульская
библиотечная система»

Ш 159910 - 2кр

Первое «Первого мая». Смотр пролетарских сил,—сказали нам представители кружков. Массовка ночью в лесу. Пароль такой-то. Итти к месту собрания в разных направлениях. Каждый представитель — со своим кружком.

От города до леса патрули стояли: прямо в открытом поле, безоружные, но смелые, в одиночку стояли, в полумверсте друг от друга. Между патрулями передвигались тени: разрозненные, парные, иногда группами. Как на большой праздник, шли рабочие на первую массовку. Настроение было такое, что хоть сейчас в бой. На дело освобождения все смотрели, как на нечто святое. Подпольная организационная работа напоминала работу первых христиан; само социалистическое учение преподносилось многими лекторами под христианским соусом и воспринималось рабочими в начальном периоде классового самосознания, как новая пролетарская вера, в борьбе за которую можно умирать, но не умерщвлять.

Наш Зареченский кружок пошел на массовку целиком,—человек восемь. Вышли из города засветло, обставив дело так, как будто пьянствовать шли. Чтобы обмануть шпигов, исколесили такое пространство, что и на лошади отказались-бы ехать за нами. Ночь обещала быть хорошей. Поднялась луна и, как маляр кистью, обелила всю землю, осеребрила деревья. Молоденькие маленькие листья

чуть лепетали... Казалось, радоваться бы красоте природы, а чувствовалось другое.

Сознание, что ты, рабочий, по своему положению лишен возможности любоваться красотами природы, бередило рану и становилось больно за нашу жизнь.

Разболтаются так кружковцы, и будто жалко станет им былой слепоты.

А как вернешься на фабрику, как увидишь товарищей, ничего другого не знающих, кроме фабрики, жены и хлеба, — сладкими покажутся тебе новые муки. Горизонт жизни шире. Не видя, — знаешь много.

— Однобоки мы. Жить не умеем, — сознавались мы друг другу.

Отдавшись подпольной работе, мы ненавидели тех из рабочих, кто умел жить разнообразно и весело.

Ученики старшей группы воскресной школы хорошо жить умели. Их было немного, и жизнь их была, как на ладони. Они тоже ходили по ночам заниматься в лес. Но с ними занимались крупные силы — Богданов экономист.

Мы глубоко засели в чернозем подполья и оттуда, как кроты, рыли ниву рабочую по всем направлениям, а они работали сверху, на виду, отделявая свои мозги до тонкости мозгов интеллигента.

Общества трезвости, появившиеся в одно время с воскресными школами, были первыми зародышами рабочих клубов, в которых главную роль играла наша старшая группа. В школе они приобретали знания, в обществе трезвости разумные развлечения или, правильней, место отдыха и связи.

Общество это было известно самым широким слоям рабочего класса.

Там был дешевый чай, бесплатные газеты, чистота трактира второго разряда, шашечная и шахматная игры. Праздничными осенними вечерами, когда некуда было деться, рабочая молодежь по-долгу засиживалась в обществе трезвости, беседуя и знакомясь друг с другом. Правда, были

случаи, когда в трактир вваливались пьяные и даже напились там, но это делалось украдкой, робко.

Даже «веневцы» не осмеливались открыто безобразничать в этом обществе. А «веневцы» были народ отчаянный. Получили свое название они от улицы, на которой жили — «Веневская». Были они грозой всему Чулкову, — предместьем города. Начав с шалостей, кончали дело серьезным. Бывало небольшая группа веневской рабочей молодежи, преимущественно гармонщиков и оружейников, сколачивалась вечером, после работы, на углу улицы и мирно обсуждала голубиную или чижиную охоту, бои кулачные — вообще дела и делишки. В зависимости от времени года играли в игры: летом в орлянку, зимой в шары. Бились друг с другом на кулаки по-товарищески. А то соберутся с гармониками, гармонисты хорошие были, ударят в «веневскую», «трехрядку» и «ливенку», остальные хором и — вдоль улицы.

Мертвые поднимутся.

— Веневцы идут! — говорят улегшиеся спать жители. И всю ночь напролет шатаются веневцы и играют.

Чулково — окраина города, немощеные бесфонарные улицы, темень, хоть глаз выколи, городских с огнем не сыщешь да и боятся. Не тронь веневца — нож в бок.

Друг за друга веневцы стоят горой. Если кто случайно из чулковцев затронет веневца — шабаш! на Веневскую вечером не появляйся, поймают и вздуют, как Сидорову козу. Своих не трогали, а с жителями других улиц Чулкова, не говоря уже о жителях других частей города, не любили шутить. Особенно, когда с ихними девками заводили знакомство парни с других улиц.

Что побуждало веневцев поступать так, трудно сказать, но били они своих же рабочих лихо и безо всякого зла.

Идет по улице парень — один или с девушкой. Замечают, что не свой. Парень идет спокойно, ничего не подозревая. Впереди — группа молодежи, детишки, что подра-

жают во всем взрослым, подростки — мало-ли гуляющих на улице.

Вдруг сзади подбегает карапуз и, подпрыгнув, — хлоп в ухо идущего. А сам шмыг — в толпу.

Большие стоят, не шелохнутся, словно и не их дело. Это ударил «затравщик»

Кто подогадливей, поднимет сшибленную шапку и пойдет себе дальше. А задорный, да если еще получил затрещину при даме сердца, бросается в толпу и начинает кричать.

— Что, в чем дело? — как бы ничего не зная, спрашивают у него стоящие.

А лица у всех суровые, глаза гневные, точно перед ними заклятый враг.

— Ударили меня за что?

— А тебе что, мало? — сухо спрашивает кто-нибудь.

И тут же делает ему «ножку», бьет рукой по лицу, и бедняга пластом летит на землю.

Прочие хмуро смотрят, храня гробовое молчание.

— Ребята, за что же? — говорит жертва, поднимаясь на четвереньках с полу, грязный и окровавленный.

— Не ходи по чужой улице, — отвечают ему.

Избитый и униженный, молча отходит он от толпы и, отойдя на почтительное расстояние, грозит кулаком и озлобленно кричит:

— Ну, веневцы, попадете и вы! Помните!

— Хорошо, — спокойно откликаются веневцы. — Получил и неси, пока еще не попало.

В последующем веневцы стали шалить не только ради озорства, но и из-за материальных выгод. Остановят идущего и говорят: — «заплатишь «подорожную» — иди, не уплатишь — мойка». Чулковцы забеспокоились. Про веневцев пошла худая слава. Улицу стали обходить. Начальство закопошилось. Усилили наряды городских. Свирепейшего пристава из уезда выписали — Лаврова. Посадили многих городских на лошадей. Об'езды ночами стали де-

лять. Собирающихся на углах разгоняли. Опустела улица. Веневцы озлобились.

Глубокой осенью, когда все Чулково утопало в грязи и тем ни, когда молодежи до самых заморозков нельзя было ходить в город гулять: далеко, темно, холодно и грязно, — она умела веселиться дома. Осень была свадебным сезоном, и редко в каком доме не устраивались вечеринки.

Неизменная гармошка, танцы, пляска, «хождение по горнице с целованием барышен», игра в фанты, карты, водка, удар от нее в голову и прижимка девиц в темных сенях. Новые завязи к свадьбам, и через неделю, глядишь, новая свадьба.

Маленькая хата, дешевый обед, водка, молодые под образами, молодцы и барышни вдоль стен, у двери потный гармонист, по середине комнаты танцующие. Им тесно, они кружатся на одном месте, задевая подолами по носам сидящих. Душно, жарко, но по-просту весело. Набившиеся в переднюю соседки с любопытством разглядывали невесту с женихом и, вспоминая свою молодость, разговаривали.

— Молодой-то оружейник что-ли?

— Нет, самоварщик.

— Что-ж, это мастерство тоже хорошее. Без хлеба сидеть не будут.

— Да и работающий, говорят, парень. Не пьет, не играет, редкостный жених.

— Она девка тоже хорошая, не балованая. Шляпки не запросит.

— В дом, что-ли, молодой-то входит?

— Нет, к себе берет. Своя хата есть.

— А-а, это хуже будет молодой. Еще хорошая све-кровь попадет, — ничего, а коли плохая — заест.

— А ежели к вашему брату, теще, попадешь, слаже что-ли? — говорят мужики. Ведь вы как начнете точить мужика, так в могилу вгоните.

Зазвонисто играет гармоника, бубен рычит или, как молодец, тряхнув кудрями, дробным звоном зазвенит коло-

кольцами плясовую. Попросторнело в хате, точно стены раздвинулись, — раздвинулась молодежь по стенам, дав дорогу плясуну Мишке.

Вышел на середину, окинул всех взглядом, улыбнулся и, ударив ладонями по подошвам, сделал ногами «чечетку».

— Чаще! кричат гармонисту.

И, топнув ногой, словно горох посыпал по полу, застучал ногами по белым половицам, выделявая умопомрачительные коленца.

— Вот выказюливает, здорово! — одобрительно несется с мест.

— Отдирай, а то примерзло, — говорят с улицы, глядя в окно. Мишка в присядку.

В сенях было стихли, потом — снова:

— Приданое-то жениху на трех подводах везли, еле лошади сдвинули. Говорят, одна ротонда чего стоит, лисья.

— Дай бог, дай бог. Девка примерная. А вот, намеднись, Катьку Блинову отдали, уже ушла от мужа.

— Ай, ай, ай! Грех какой. Непутевая девка.

Во дворе шум.

— Веневцы пришли, — зашептали по углам. И сразу все стихло.

Придя на свадьбу или на вечеринку, веневцы выгоняли всех гостей; кто сопротивлялся, — били и, напившись, наевшись, что было приготовлено для гостей, уходили.

Борьба с веневцами самим чулковцам была не под силу, и на сцену выступил тогда пристав Лавров. Он был грозой не только уже для веневцев, но и для всего Чулкова. Окружив себя отчаянными, всегда пьяными городовыми, они на лошадях, как опричники, стали с плетью раз'езжать по улицам Чулкова, избивая всех, попадавших в неурочное время на улице. А в самом участке, кто попадал, били смертным боем.

Застонало Чулково хуже, чем от веневцев. Стало тише, но было жутче. Веневцы от озорства били кулаками, Лавров бил плетью — для порядка.

Тогда веневцы, из которых многие по воскресеньям посещали чайную общества трезвости, соприкасаясь чисто случайно с рабочей молодежью, ведущей иной образ жизни, чем они, как бы стали одумываться. От них не ускользнуло то обстоятельство, что «трезвенники» или, как они называли еще в насмешку эту молодежь, «студенты холодной жизни» не особенно долюбивают начальство и что-то, а что именно, им было неизвестно, предпринимают.

Высмеивая «трезвенников», они все-таки, по своему, их уважали и, когда эти «трезвенники», вернее кружковые рабочие и ученики воскресной школы, частенько ночью проходили Чулковым, направляясь в лес на собрание, веневцы их не трогали.

Как бы одумавшись, веневцы перестали обижать чулковцев, перестали озорничать и повели борьбу с городовыми. Последней их песней было то, что они, подкараулив самого пристава на улице, накинули ему аркан на шею. Но он сорвался. Стал осторожней, тише. Чулковцы вздохнули и все простили веневцам, загладившим свои озорства борьбой с Лавровым.

Вечерами в будни в чайной было светло, чисто, тихо и по домашнему уютно. Народу мало; приходили только те из рабочих, кто имел возможность кончать работу не позднее шести часов. Это были, конечно, оружейники, викторносовцы, патронники да местная интеллигенция, игравшая большую роль в общественной библиотеке, в воскресной школе и чайной «Трезвости». Из самоварщиков в будни можно было застать только тех, кто уже был в подпольных кружках. Они посещали чайную в будни не только ради отдыха, но и из-за дела. Здесь давалось требование на интеллигента для кружка, тут украдкой иногда получалась литература. Просто сходились кружки, составленные из рабочих разных фабрик для переговоров по тому или иному делу. За стаканом чая, за игрой в шашки ма-

ленькие люди, рабочие самоварщики, обсуждали вопросы, касающиеся царей, королей, министров и всех тех, кто бы и не подумал никогда о самоварщиках. А в субботу вечером, когда большинство рабочих было с получкой, когда самый неаккуратный и тот норовил вымыться в бане и одеть все чистое,—чайная гудела. Сознание, что утром следующего дня, в воскресенье, рано не вставать, на работу не идти, делало субботний вечер самым приятным. В чайную собиралось все, что было лучшего в рабочей среде.

Что ни стол, то тесная семья кружка. Спаяны были не только общностью работы, но и личными качествами, характером и товарищеским духом. Друг перед другом старались кружковцы за неделю пополнить свои знания и, являясь в чайную, старались в благородном соревновании щегольнуть новостями не только подпольной работы и нелегалыщиной, но и общеобразовательными приобретениями. По силе своего понимания, разбирали авторов, какую-нибудь пьесу, актеров и министерские постановления. Среди кружковцев попадались даровитые натуры. Многих манила к себе сцена, но всецело отдаться сценическому искусству и искусству вообще мешала рабочая лямка.

Кружок гордился, если в его рядах был товарищ, выделяющийся по познаниям; на него товарищи смотрели, как на тяжелую артиллерию, почему все и старались быть не последними. Большое удовольствие доставляло кружку, когда их представитель умел дискуссировать с кем-либо из экономистов. Правда, последние редко сталкивались с нами, они держались обособленно, но, коли сталкивались, было настоящее словесное сражение. Нас, подпольщиков, били Кантом, Гегелем, Марксом, Энгельсом, Плехановым, а мы оборонялись жизненными рабочими фактами и тоже Марксом, хотя знали его учение из пятого в десятое.

Нам сказал Жабров:

— Если ты рабочий, то уже не социалистом быть не можешь. Станок и тиски, против воли, делают рабочего

революционером. Как поступил на завод, так сразу он тебя, как обухом по голове: ты хочешь работать меньше и получать больше, а владельцу завода хочется, чтобы ты получал меньше и работал больше. Отсюда—борьба.

А все-же, когда, бывало, придешь из чайной домой, вспомнишь, что знаешь ты и что экономисты, и позавидуешь им.

«Читать, читать»!—твердишь себе.

Но времени не хватало. Все шире и шире становилось рабочее движение. Каждая новая прокламация приносила известие о забастовках рабочих. Студенты волновались. Поднималось кое-где крестьянство. И все вместе жестоко подавлялось,—с применением даже порки. Прочитаешь, бывало, прокламацию о том, как где-то правительство жестоко наказало рабочих за то, что те хотели лучших условий жизни, так аж загорись весь.

Дальних любили, за дальних страдали. Уже не с капиталистами только звали рабочих бороться, а собирались свалить царя с министрами. Ничтожные, неведомые, маленькие рабочие уже мысленно поднимали руки на венценосцев.

— Кровопийцы! -- аттестовали мы их.

— Звери!

Наши слова были жестки и грубы, мысли просты и откровенны.

Что думали, то и говорили. И уж если говорили, то словно куски мяса от сердца отрывали и швыряли в лицо противнику.

Не головой думали, а душой.

Не словами говорили, а огнем.

Не любили нас за это, кто знал и понимал много. Не по нутру приходились рабочим экономистам наши слова—огонь и души—думы.

На массовку пришли все: мужчины, женщины, рабочие, интеллигенты, экономисты, подпольщики, местные работники и приезжие, так называемые «гастролеры». Кто они были, откуда, как прозывались и чем занимались, никто не знал. Это были товарищи в маске, за которыми никто из нас не видел лица обыкновенного человека.

Местных работников интеллигентов мы знали хорошо, кого под настоящим именем, кого под кличкой,—приезжие всегда рекомендовались нам «дядей черным», «дядей белым», каким-нибудь «Нилом», «Лебедой» и т. д. Были среди них и «тети», но очень мало. Большую роль в работе играли мужчины.

На первую массовку подполье выбросило все, что, видимо, было в организации.

Помимо Николая Николаевича Кудрявцева, я тут впервые встретил сыновей врача Дрейера, о которых ходила молва в городе, что они люди неблагонадежные, сыновей и дочерей священника Рождественского—студентов и курсисток, статистика А. М. Шишкова,—студента, сына машиниста и моих старых знакомых С. Н. Луначарскую и В. Иванова.

Многих из них я слышал в кружках, как лекторов-пропагандистов. Кудрявцева я обожал за простоту его бесед с нами, маленькими людьми, за его смелость, проявляющуюся в том, что он с собраний уходил не один, как другие интеллигенты, а вместе с рабочими. Он не боялся быть замеченным в том, что знается с рабочими, был менее конспиративен, за что его очень любили рабочие. И когда кружки просили лектора, то все выражали желание иметь его в лице Кудрявцева. Другие лекторы были робки, чересчур конспиративны и когда, бывало, рабочий ведет такого лектора в кружок, на занятие, то лектор-интеллигент всю дорогу хранит гробовое молчание, часто оглядывается: все ему кажется, что за ним идут шпики, а когда появится в кружок, залпом отбарабанит лекцию, как поп панихиду, и—гайда домой.